

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 24-го января 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9897.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Открыла глаза, поднялась на локтѣ. Свѣтаетъ. Странный такой, больной, усталый свѣтъ. Все дымчатое, нѣжно-очерченное и въ своей нѣжности новое.

Бѣлая, кружевная занавѣска... силуетъ лампы на письменномъ столѣ... сама потухла. Она помнить хорошо, что не тушила.

Думала:

— Отчего мнѣ такъ тяжело? Въ груди какая-то неловкость... во всемъ...

Ахъ, да... Инженеръ Z. сдѣлалъ ей предложение. Она приняла его. Она—невѣста. Теперь жизнь круто измѣнится.

Сонъ улетѣлъ окончательно.

— Нужно, однако, выяснить... Я страшно недовольна собою.

Платье, ботинки, сиреневая шелковая юбка напомнили о томъ, что можно встать, одѣться и уйти. Это была какая-то истерическая привычка—бѣжать, очертя голову, на улицу, если тяжело. Сейчасъ же представила до иллюзіи скрипъ входной двери, струю ночного воздуха, свои гулкіе, четкіе шаги... Усталости, какъ не бывало. Страшный подъемъ духа.

— Basta лежать... уйду... серьезно обдумаю.

Одѣвалась. Немного кружилась голова. Не слѣдовало пить шампанского.

Покуда оправляла волосы, завязывала шнурки, передъ глазами всталъ банальный кабинетъ, фрукты, золотистое искрящееся вино и пѣвучій голосъ инженера.

— Люблю васъ... люблю,

Такъ говорилъ, словно ъль нѣчто вкусное. А потомъ катанье, влажная ночь, вопросительные, возбужденные глаза, слашавая декламація слашаваго стихотворенія:

— Шиповникъ бѣлый, шиповникъ алый...

— Другъ мой, все или ничего...

Да... да... это она сказала. Твердо, холодно, насмѣшило. Это было хорошо сказано. Все или ничего... Инженеръ даже поблѣднѣлъ отъ неожиданности. Ну, еще-бы, вѣдь, она только учительница музыки... красавая барышня... ха... ха... Его самолюбіе задѣли. Онъ побоялся показаться трусымъ. Отлично... Она окажеть ему большую честь, если согласится... Онъ съ радостью назоветъ ее женою.

Марися улыбалась отъ удовольствія. Прекрасно, моя дѣвочка, прекрасно...

Теперь, совсѣмъ одѣтая, чувствовала себя такъ, какъ будто не дремала эти 2—3 часа. Застегнула жакетъ, заперла дверь. Почему ползть холодомъ по сердцу такая мучительная грусть? Не потому-ли, что разсвѣтъ?..

...Блѣдное, безжизненное утро, какъ десятки такихъ утръ; блѣдная, безжизненная дѣвшушка, какъ десятки такихъ дѣвшушекъ... Что у тебя нового?

Откуда это? Изъ частнаго письма. Ее любили. Ее многіе любили, правда...



Н. Л. Щукинъ.

Новый товарищъ министра путей сообщенія.



Хакки-Бей.

Новый турецкій великий визирь.

Сѣгала по лѣстницѣ, а мысль услужливо подсказывала:

— Дни умираютъ, оставляя по се-бѣ запахъ тлѣнія вчерашихъ думъ и настроеній; ночи умираютъ еще быстрѣе, такъ какъ онѣ безплодны...

Все оттуда-же... Наивныя, трогательныя письма съ дѣтскимъ почеркомъ... Какъ это было давно!..

— Шиповникъ бѣлый, шиповникъ алый...

Уже не сходитъ-ли она съ ума? Путаница въ головѣ. А ей нужно быть спокойной. На улицѣ, какъ и представлялось. Влага, тишина, сѣрый дымчатый тонъ, съ вѣтка падаютъ капли. Дышалось послѣ излишне теплой комнаты жадно и радостно. Проснулось обманное чувство свободы. Шевельнулось то ироническое, задорное желаніе самоанализа, которое всегда обострялось у нея именно на улицѣ. Навстрѣчу тащились двѣ усталыя,

голодныя собаки и поглядѣли внимательно, печально, какъ усталые, голодные люди. Ну, ну, ничего, друзъ... немного терпѣнія. Бѣгите дальше... Возможно, вы рѣшаєте такие же важные вопросы, какъ Марися... Женскій односторонній, запуганный умъ, однако, боялся подойти сразу къ ядру, т. е. выходить замужъ или отказать?.. Хе... хе... Милѣйшая, чисто-женская, вѣчная теорема. Выходить замужъ или нѣтъ?

Шла и качала головой. Нѣтъ, не хочется быть женщины... Жаль, она не писательница, не художница, не скульпторша... Она бы создала тогда что-нибудь ужасно обидное для женщины. Женщины возмутились-бы и перемѣнились...

Впрочемъ, все это ни къ селу, ни къ городу... по-дѣтски... Нужно думать о богатомъ, самодовольномъ и милостивомъ инженерѣ. Слышишь, Марися?.. Милостивомъ... запомни... Nicolas, Nicolas, voilà!.. Ой, ерунда какая... Нѣтъ, не ерунда, погодите... пѣсенка несется изъ подвального этажа... да... а тамъ жила когда-то очаровательная Марія Б., та самая Марія Б., которая идетъ сейчасъ по городу и думаетъ: объ... инженерѣ, и на ней элегантная шляпа. Là, là... Это уже не совсѣмъ такъ просто, если принять во вниманіе, что до сихъ поръ Марія Б. не обнимала ни одного мужчину, что ея губы не знаютъ слова—люблю, и что всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ она обязана лишь своимъ трудолюбиемъ, упорнымъ рукамъ. Вамъ это кажется просто? Нѣтъ, совсѣмъ не просто, mesdames et messieurs...

Она вспомнила первые годы нищеты. Рваные ботинки, рваную кофточку, блѣдное, изнуренное лицо, желчный голосъ.

— Я не могу заплатить вамъ.

— Въ такомъ случаѣ, сѣѣзжайте...

— Я заплачу вамъ скоро...

— Я не вѣрю... очистите комнату...

— Что же, прикажете идти на улицу?

— Идите на улицу, мнѣ то какое дѣло?

Разговоръ конченъ. Его продолженіе слѣдуетъ въ столовой madame X.

— Барышня, принесли деньги за обѣдъ?

— Нѣтъ, но... я... если возможно...

— Въ такомъ случаѣ, извините... вамъ не будетъ подано... да... извините. Прислуга смотрѣть на нее съ враждебнымъ любопытствомъ. Она красна, по крайней мѣрѣ, какъ вишня. Чертъ побери, тутъ покраснѣешь... Хорошо. Вотъ такъ. Вотъ такъ было долго. И теперь это забыть? Вычеркнуть?

Инженеръ утѣшилъ. Ха.. ха.. Онъ утѣшилъ. Будетъ холить, баловать, одѣвать... Господи-Иисусе, пожалуй, онъ даже скажетъ:

— Я вытащилъ тебя изъ бѣдности... безъ меня ты была бы горняшкой. Ха.. ха.. Онъ скажетъ, непремѣнно скажетъ... А потомъ приласкаетъ:

— Скажи, ты счастлива, что у тебя такой умный, добрый мужъ? Вѣдь, я тебѣ ни въ чёмъ не откаживаю... ни въ чёмъ...

Охъ... Она ускорила шагъ. Поднялась старая, острая ненависть къ мужчинѣ... Ненависть раба къ господину, угнетенного къ угнетателю.. Мужчина!.. Она презрительно пожала плечами.

Казалось, всѣ женщины, которыхъ она видѣла за свою жизнь, несчастныя, искалѣченныя, истерзанныя, замученные женщины, протягивали къ ней руки:

— Помни' о нась...

Она слышала ихъ стонъ.

— Помни о нась.

Мать, оскорбляемая при дѣяхъ и рано умершая отъ побоевъ, сестра, брошенная съ ребенкомъ совсѣмъ юной, кузина, обезумѣвшая послѣ первого зараженія, любимица-горничная, выкинутая на мостовую, и другія, другія... сотни, тысячи кругомъ.

Всѣ онѣ смотрѣли на нее, предстегая...

— Помни о нась... помни...

Да, она помнила. Она до сихъ поръ шла въ толпѣ чистая, какъ голубка.

— Лучше смерть.

Разволновалась такъ, что едва не падала. Дальше, Марися, дальше, родная...

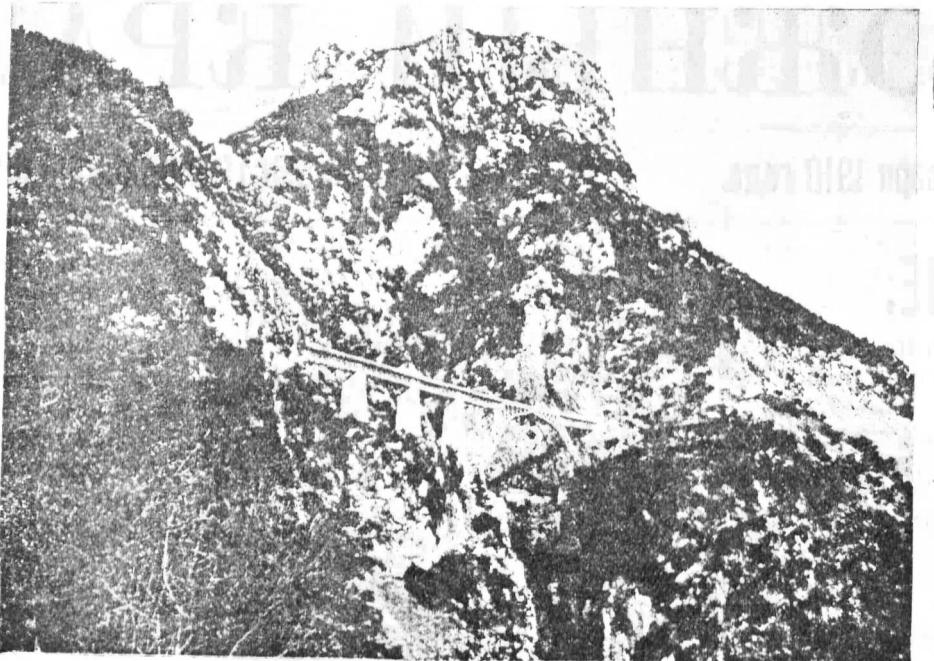
То, что было вчера,—сплошная пошлость и не твое. Совсѣмъ не твое. Театръ, платье, вино... Не то—настроение, угаръ. И только. А любовь? Къ черту любовь... Стоило лишь вспомнить ужасъ, заложенный въ ея корни, какъ всякое представление о ней дѣялось омерзительнымъ. Да, гнуснымъ, позорнымъ, унизительнымъ для женщины. Она не хотѣла любви. Она такъ боялась стыда падшей женщины. Стыда, котораго не смошь... Поехала. Холодно. Глядѣла машинально на площадь, кіоскъ, скверъ...

Ну, такъ какъ же съ инженеромъ?.. Онь спить и даже во снѣ доволенъ собою. Пріобрѣть на выгодныхъ условіяхъ новое домашнее животное... женщину. Удобно, пріятно и неотвѣтственно. Ха... ха... Можеть быть, вы слишкомъ поторопились радоваться, г. инженеръ? А? Что? Можетъ быть, завтра вы получите сухую, коротенькую записку съ отказомъ? Какъ вы думаете? Ну, спите, спите... вѣсъ не огорчили вчера, а огорчать лишь сегодня утромъ... если вы, вообще, огорчаетесь изъ-за женщины... Я бы вѣмъ не совѣтовала лично... Ей Богу, не совѣтовала... Это даже совсѣмъ благодарно съ моей стороны.

Вдохнула, засмѣялась и пошла обратно.

И глаза были полны вдумчивой, легкой ироніи.

Анна Марь.



Віадукъ въ горахъ Греції.

Длинной 176 и высотой 115 метровъ.



Греческій крестьянинъ.

Чѣзъ жизни.

На пикникѣ было очень весело. Сначала пили чай, такой вкусный и ароматный на свѣжемъ воздухѣ, среди зелени маленькой уютной полянки, затѣмъ шумной вереницей отправились на прогулку. Шли дружно, весело, у всѣхъ было праздничное настроение, и всѣхъ хотѣлось веселиться, дурачиться и шалить безъ конца. Общество, правда, было немногочисленно. Елена Григорьевна, еще молодая тридцатилѣтняя женщина, ея двое дѣтей—Петя и Боря, ихъ гувернантка и знакомый студентъ съ сестрой,—но эта малочисленность не мѣшала беззечному дѣтскому веселью, которое овладѣло всѣми. Сколько смѣха, шутокъ, веселой перебранки и шалостей! Начинали было пѣть, но болтовня дѣтей и веселая разсѣянность взрослыхъ мѣши-

ли стройности пѣнія, и начатая пѣсня, сначала ровно и красиво разливавшаяся въ свѣжемъ звѣнѣ воздухѣ, какъ то сама собой оборвалась и разсыпалась на нѣсколько отдѣльныхъ, чуть слышныхъ аккордовъ. Шли по лугу съ еще нескончайшей высокой травой, красиво пестрѣвшей разнообразныхъ цветовъ, отъ которыхъ въ подогрѣтомъ лѣтнемъ воздухѣ стоялъ приятный, прынай, немного сладковатый запахъ; потомъ берегомъ небольшой, мѣстами почти невидной въ зелени рѣчки, противъ полуразрушенной мельницы съ ея остановившимъ колесомъ и какой-то печальной задумчивой пустотой, которая всегда бываетъ въ мѣстахъ, когда-то шумныхъ и оживленныхъ и затѣмъ затихшихъ и заглохшихъ навсегда.

Вотъ мельница: она ужъ развалилась—продекламировала студентъ, указывая на почернѣвшій остовъ, который красивой каймой окружали водя и зелень.

Правда, этотъ уголокъ сильно напоминаетъ декорацію въ „Русалкѣ“—согласилась Елена Григорьевна.—А какъ тамъ неуютно и мрачно. Вѣроятно, никто не бываетъ теперь,

— Ого, я совсѣмъ разъ былъ!—похвастался Петя.—Какіе тамъ цветы ростутъ, мамочка! Прямо таки необыкновенные!

— Да неужели!... Ахъ ты, Господи! Да кто же ихъ тамъ насадилъ!... шутила Елена Григорьевна.

— Нѣть, правда, удивительные, я еще не видаль такихъ. Хочешь принесу?

— Конечно, конечно, принеси!—засмѣялись всѣ.

Только скорѣе—крикнула Елена Григорьевна, когда Петя и Боря уже неслись стрѣлой по влажной заросшей тропинкѣ, которая, причудливо извиваясь между кустовъ и высокой травы, сильно удлинила дорогу къ мельницѣ. Скоро ихъ совсѣмъ стало не видно за зеленью и не слышно голосовъ.

— Въ поиски за рѣдкостью—пошли имъ всѣдѣ студентъ.—Что жъ, мы двинемся или будемъ ждать нашихъ изслѣдователей?

— Чего же ихъ ждать?—имъ добра знакома. Идемте лучше пить чай,—предложила хозяйка,—а на рѣдкости еще успѣмъ насмотрѣться.

Всѣ разсѣяно побрали назадъ та-кіе-же веселые и довольные. По доро-гѣ опять шугили, смѣялись. Студентъ началъ съ середины первую попав-шуюся ему веселую пѣсню, женскіе голоса подхватили, и вышло красиво и удачно.

— Споешь что нибудь получше—предложила гувернантка, у которой былъ звучный и довольно красивый голосъ.

— Да, правда: здѣсь такъ хорошо поется—поддержала Елена Григорьев-

на. Ну, Павель Степановичъ, запѣвайте.

— Среди долины ровныя

На гладкой высотѣ—началь студентъ

— Стоигъ растетъ высокий дубъ..

Въ могучей красотѣ—смѣло и красиво подхватили голоса, и пѣсня величественная и плавная полилась въ начинавшемъ темнѣть воздухѣ.

Обогнули рѣчу, прошли лугъ. Вотъ уже показалась знакомая полянка, которая какъ-то потемнѣла, нахмурилась и уже высмотрѣла теперь не такъ привѣтливо.

Однако, уже сильно темнѣть. Что жъ это наши изслѣдователи пропали—спохватилась Елена Григорьевна.—Пора домой!

Вонъ кто-то изъ нихъ бѣжитъ. Кажется, Боря—обернулся студентъ. Онъ и есть! Что, братъ, каковы результаты?

Всѣ разсмѣялись.

— Боже, какъ онъ быстро бѣжитъ—точно за нимъ гоняется—улыбнулась Елена Григорьевна.—Ну что, догналъ таки? А гдѣ Петя?—наклонилась она къ Борѣ, который со всего бѣга судорожно вѣспился вдругъ въ ея пльти и подавленно молчалъ.

— Вотъ такъ изслѣдователь—подшутѣлъ студентъ, и опять всѣ разсмѣялись.

— Мамочка! Милая мамочка! Вонъ онъ! Вонъ онъ!—дикимъ, не то испуганнымъ, не то обрадованымъ голосомъ вдругъ закричалъ Боря, указывая на середину сломанной запруды, гдѣ волновался и крутился омутъ.

Всѣ жадно впились глазами по указанному направлению, гдѣ на потемнѣвшемъ уже водѣ на минуту показалась черноволосая головка, затѣмъ рука, и потомъ все скрылось.

— Онъ уже мерѣтъ—услышала Елена Григорьевна чей-то голосъ и почувствовала, какъ у ней сразу онѣмѣли ноги, что-то сдавило въ груди и подкатило къ горлу. Вдругъ все побѣльло смѣшалось и исчезло...

Елена Григорьевна открыла глаза. Что такое было со мной?.. Или это сонъ?.. Смутно припоминала она, оглядываясь кругомъ. Въ комнатѣ было тихо, пахло валерьянными каплями и еще какимъ то лекарствомъ. Нелодаку отъ нея на маленькомъ столикѣ горѣль ночникъ, мягко освещая предметы и ложась свѣтлыми, но не яркими полосами на разостланномъ передъ кроватью коврѣ.

— Заѣмъ же Мери-то здѣсь?—помыслила Елена Григорьевна, замѣтивъ гувернантку, которая спала въ креслѣ у окна, облокотившись на подоконникъ: такъ неужели?.. — она обѣлась договорить.—Туда... въ дѣтскую; онъ тамъ... узнаю...—промелькнуло у нея въ головѣ, и жуткая радость хватила душу при мысли, что сейчасъ, сейчасъ она увидѣть его. Ей такъ хочется его видѣть. Еще никогда она не испытывала такого страшного, такого сильного желанія. Она вскакиваетъ съ постели и быстро, безшумно, какъ тѣнь спѣшишь въ дѣтскую. Скорѣй, скорѣй! еще минута, и будетъ такъ хорошо, такъ спокойно.

Вотъ и дѣтская. Какъ здѣсь уютно и свѣтло отъ лампады. Чистыя, бѣлые кроватки, игрушки, столь... но... — Мамочка, это ты? Ты что?—слышѣла Елена Григорьевна и видѣла, какъ изъ одной кроватки поднимается лицо Бори, чѣмъ-то испуганное и

какъ ей кажется, напла-канное... Мгновенно пе-редъ ея глазами всплы-ваетъ старая мельница, бушующій омутъ и на немъ кудрявая черная головка, такая знакомая, такая милая... Елена Гри-горьевна съ безсознатель-ной дикой надеждой на-пряженно всматривается въ Петину кроватку, но она пуста и такъ печально, такъ грустно пуста. Гдѣ-то онъ теперѣ?.. противъ воли проносится въ мозгу. Щемящая, острая тоска заливаетъ душу. Сердце какъ-то странно дрожитъ, какъ будто обрывается. Она понимаетъ все и без-сильно опускается на опу-стѣвшую подушку.

Зотова.

Великие люди предъ своими подругами.

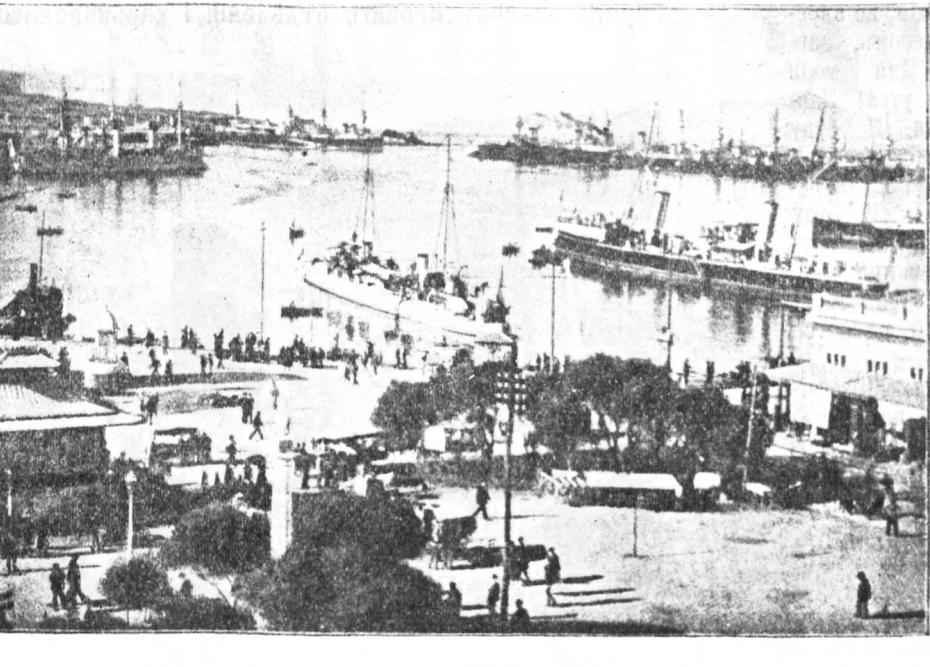
Изъ любовной переписки знаменитостей.

Ужъ на что Жоржъ-Зандъ свободно мѣняла своихъ любовниковъ—и то она не отдавала себѣ отчета въ своемъ непостоянствѣ. При всякой новой связи она торжественно порывалась со своимъ прошлымъ и мысленно „очищала“ свою душу и тѣло, посвящая себя „на-вѣки“ новой страсти; но какъ только она разочаровывалась въ своемъ очередномъ любовнике, она безъ колебаний давала ему отставку. Только съ Альфредомъ де-Мюссе Жоржъ-Зандъ не-много переменилась, жалѣя перваго „мальчика.“ Но съ Меримэ, напримѣръ, она разошлась тотчасъ же послѣ первого любовнаго знакомства. Наканунѣ она написала ему пламенное письмо, въ которомъ уѣрѣла, что онъ найдетъ въ ней навѣка преданную душу и морально чистое, непорочное (!) тѣло, а днемъ позже ему случайно удалось прочесть въ записной книжкѣ своей поклонницы: „Была съ Меримэ, неважно (рас fort)—лучше взять другого, послѣ чего Меримэ ретировалася.

Замѣчательно, что лучшія любовныя письма пишутъ, за рѣдкими исключеніями, не литераторы, а люди, которые въ обычновенное время хуже всего владѣютъ перомъ.

„Португальская монахиня“ попала въ исторію французской литературы только благодаря своимъ письмамъ на французскомъ языке. Въ XVII вѣкѣ католическая монахиня изъ хорошаго общества еще пользовалась извѣстной личной свободой и охотно заявывала на сторонѣ любовныхъ интригъ. Маріанна де-Алькафардо увлеклась французскимъ маршаломъ де-Шампили и въ трогательныхъ выраженіяхъ изливала, послѣ его отѣзда, свою любовь и ревность. „Я бы желала,—писала она невѣрному,— чтобы другая женщина раздѣляла мои чувства ко тебѣ, чтобы ты отвѣчалъ только мнѣ... Однако, я тебя такъ люблю, что была бы въ состояніи полюбить и ту женщину, ради которой ты мнѣ измѣнилъ. Я готова была бы стать ея служанкой, лишь бы видѣть тебя—и видѣть счастливымъ.“

Какое милое письмо-импровизація вылилось изъ-подъ пера у Бенжамена Констана, извѣстнаго политическаго дѣятеля и



Французская эскадра въ Пирейскомъ портѣ.

оратора эпохи великой революции, по адресу г-жи Рекамье: „Завтра вечеромъ, завтра вечеромъ? Что за вечеръ? Для меня онъ начнется въ пять часовъ утра! Завтра? Для меня это уже сегодня. Я буду у васихъ воротъ уже къ 9 часамъ. Мне скажутъ, что въсъ нельзя еще видѣть. Тогда я вернусь часамъ къ 11. И буду упорно возвращаться, пока меня не примутъ. И я уже впередъ страдаю при мысли, какъ вы меня заставите страдать.... До свиданія вечеромъ, который начнется утромъ!“

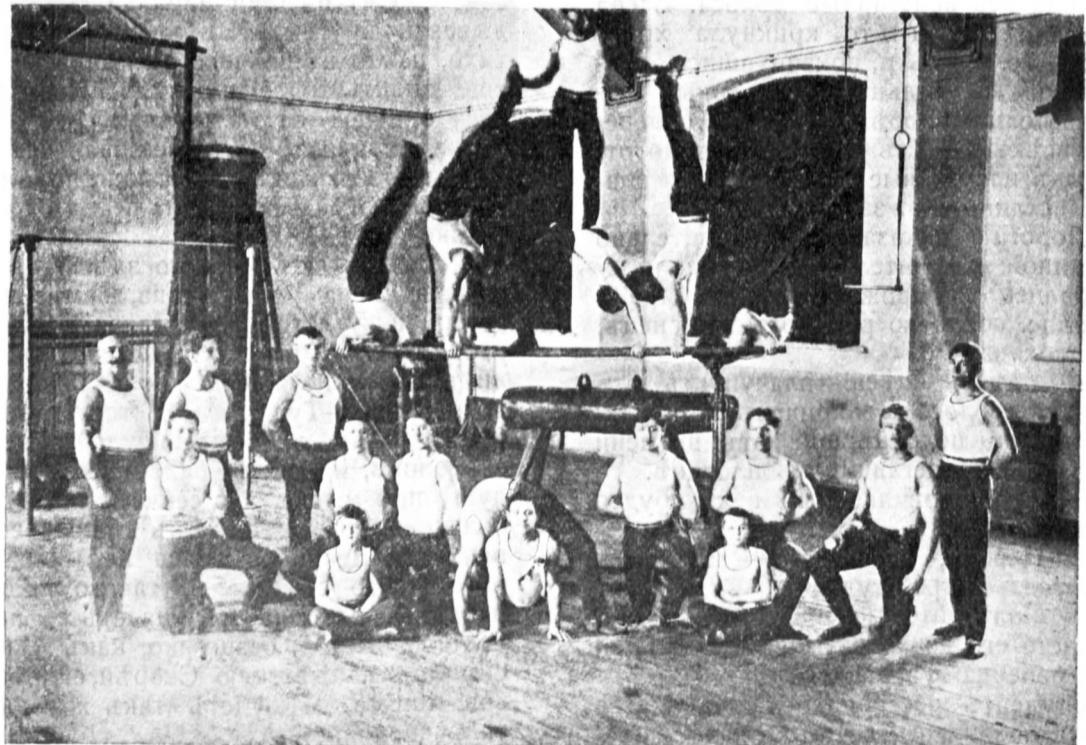
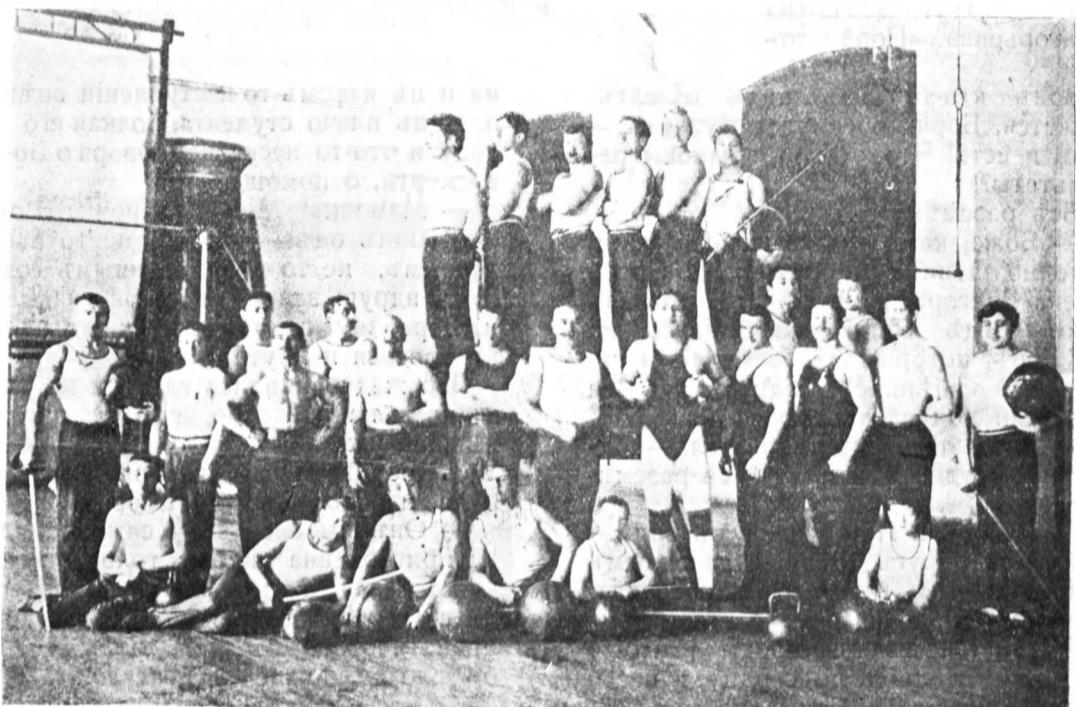
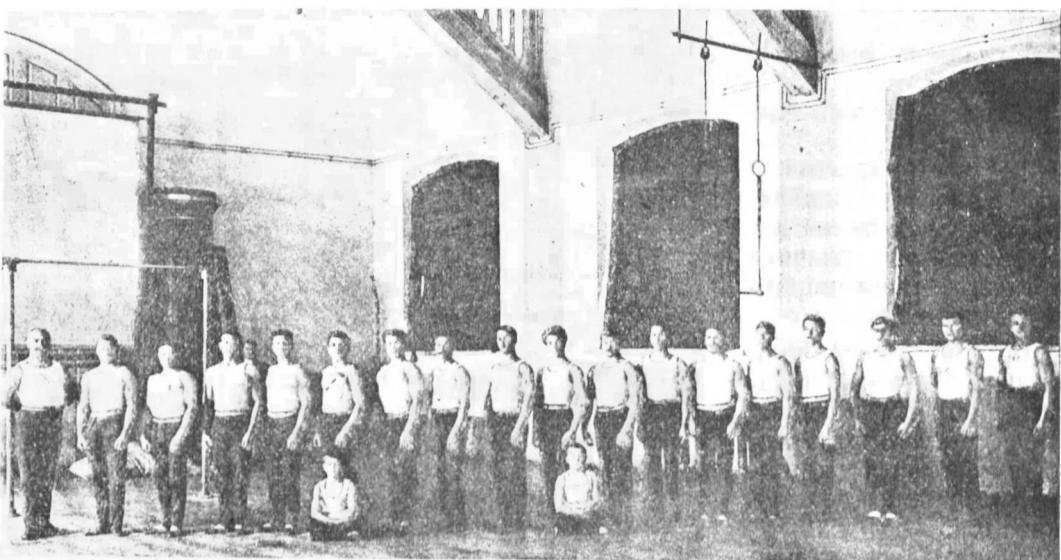
Генералъ Наполеонъ Бонапартъ Жозефъ: „Когда мнѣ дано будетъ, наконецъ, освободиться отъ всякихъ занятій и посвятить все мое время тебѣ, ни о чёмъ другомъ не заботиться, какъ о нашей любви, о нашемъ личномъ счастьи? Надѣюсь, что ты сможешьъ скоро прѣѣхать ко мнѣ. Нѣсколько дней тому назадъ я еще думалъ, что я тебя только люблю, но съ тѣхъ поръ, какъ я тебя люблю, я вижу, что люблю тебя въ тысячу разъ больше, чѣмъ могъ себѣ представить. Съ каждымъ днемъ я тебя все больше обожаю. Это доказываетъ, какъ невѣрно изреченіе Лабройера, что любовь приходитъ сразу. Нахожу въ тебѣ все новые качества, и не могу открыть твоихъ недостатковъ. Умоляю тебя, покажи мнѣ, въ чёмъ твои недостатки, чтобы я могъ урезонить себя. Будь хоть менѣе красивой, менѣе грациозной, менѣе нѣжной, менѣе доброй. Во всякомъ случаѣ, будь менѣе ревнивой, не плачь никогда. Твои слезы отнимаютъ у меня разумъ, жгутъ мнѣ кровь. Прѣѣзжай, чтобы мы могли, прежде чѣмъ умереть, по меньшей мѣрѣ, сказать: мы были счастливы столько-то дней. А въ ожиданіи, тво dolce amog, посыпаю тебѣ миллионъ попѣлуевъ, но ты меня обратно не цѣлуй: это жжетъ мнѣ кровь.“

Гамбетта—г-жъ Леонъ: „Я не могу больше различать между ощущеніями, которыя ты даешь мнѣ испытывать. Наша душевная радость очищаетъ даже тѣлесные наши увлечения. Ты одна способна была меня поднять до этихъ ослѣпительныхъ вершинъ страсти, облагороженной сліяніемъ двухъ умовъ. Я теперь парю съ тобою въ тѣхъ высшихъ сферахъ, куда стремилось столько великихъ сердецъ путемъ порочныхъ увлечений, которыхъ ихъ только отдалаи отъ цѣли. Я тебя обожаю и до боли стискиваю въ моихъ объятияхъ. Приходи завтра—и я паду къ твоимъ ногамъ.“



ЦИНКОГРАФІЯ
, Южного Края!
Харьковъ, Сумская, 13,
принимаетъ всевозможного рода
заказы на клише.

Группа членовъ первого отдѣленія I харьковскаго гимнастического Общества.



(Снимки фотографического склада Анатолія Вернера).